

М. Балабановъ.

ЛИЧНАЯ СВОБОДА.

(Неприкосновенность
личности, жилища,
частной переписки
и свобода передвиженія).

—
Второе дополненное изданіе.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„Новый Міръ“.

Личная свобода.

«Свобода не есть вещь, скрывающаяся въ области неяснаго знанія. Она есть благо и преимущество, и всякое истинное представленіе о ней настолько несложно и общедоступно, что прекрасно соотвѣтствуетъ самымъ зауряднымъ способностямъ тѣхъ, кто пользуется ею, и тѣхъ, кто ратуетъ за нее».

Эдмундъ Бёрке (Ed. Burke).*

Эти слова извѣстнаго политика и государственнаго дѣятеля Англіи пзъ всѣхъ «свободъ» какъ нельзя больше приложимы къ личной свободѣ, къ свободѣ личности. Потребность свободно распоряжаться собою, своею личностью — есть самая простая, элементарная потребность; сознаніе личной независимости, личной свободы — есть то первичное сознаніе, которое доступно всякому и у всякаго въ большей или меньшей степени имѣется. Это не значитъ, конечно, что сознаніе свободы и потребность въ ней существовали всегда. Въ отдаленнѣйшія времена свободными считались лишь члены первобытной общины; женщины, рабы, чужестранцы не признавались членами общины и потому не были свободными: права свободныхъ гражданъ-членовъ общины на нихъ не распространялись. У грековъ и римлянъ только «граждане» государства пользовались свободой, для варваровъ (чужестранцевъ) и рабовъ состояніе свободы было закрыто. И члены первобытной общины, и греки, и римляне

считали такой порядокъ естественнымъ и вѣчнымъ; они не могли себѣ представить иного строя, въ которомъ всѣ люди были бы равны и свободны, въ которомъ не было бы подневольныхъ рабовъ. И только постепенное преобразование человѣческаго общества, нарожденіе въ немъ сперва сословій (дворянъ, купцовъ, крестьянъ) и затѣмъ классовъ (капиталистовъ и рабочихъ) расширяло кругъ свободныхъ людей.

Здѣсь не мѣсто разсматривать причины, которыя уничтожили рабское, крѣпостное состояніе и сдѣлали всѣхъ людей юридически свободными. Въ наше время люди признаются свободными и о возстановленіи рабства мечтаютъ немногіе человѣконенавистники. Больше того: въ свободной личности теперь видятъ необходимѣйшее условіе жизни государства. Могутъ быть разныя государственныя учрежденія, но при ограниченіи свободы каждаго отдѣльнаго гражданина, при подчиненіи его жизни и дѣятельности постоянному контролю и надзору правительства, эти учрежденія будутъ мертвыми, а само государство будетъ постепенно клониться къ упадку и гибели. Свободная личность—это фундаментъ современнаго государственнаго строя, это необходимое въ наше время условіе человѣческаго общежитія. Кто согласенъ съ этимъ,—а убѣждать кого-либо въ необходимости личной свободы не входитъ въ нашу задачу,—тотъ не можетъ не интересоваться живо тѣми условіями, въ которыхъ личность чувствовала бы себя свободной въ современномъ государствѣ. Объ этихъ условіяхъ и пойдетъ у насъ рѣчь, причемъ говорить мы будемъ о современномъ государствѣ и о требованіяхъ, которыя можно къ нему въ отношеніи личной свободы предъявить теперь, немедленно.

I.

Неприкосновенность личности.

Итакъ, что нужно для того, чтобы личность была свободна? Конечно, подъ свободою никто не разумѣетъ свободу каждаго дѣлать все, что ему угодно. Можетъ-ли кто нибудь, если пожелаетъ, построить домъ посреди улицы, или провести каналъ отъ рѣки къ центру города, или отправиться самовольно собирать съ народа подати? Всякій отвѣтитъ на эти вопросы: нѣтъ. Такія дѣйствія не будутъ свободны, и ихъ не допустятъ ни частныя лица, ни государство. Постройка дома среди улицы затруднитъ движеніе и нарушитъ интересы другихъ лицъ, проведеніе канала можетъ затопить городъ, а самовольное взиманіе налоговъ посягаетъ какъ на интересы частныхъ лицъ, такъ и на интересы государства, которое одно только въ правѣ само взимать налоги или разрѣшать другимъ взимать ихъ. Въ вопросѣ о свободѣ личности, стало быть, сталкиваются интересы каждой отдѣльной личности съ интересами прочихъ частныхъ лицъ и съ интересами государства. Поэтому говорятъ, что каждый въ правѣ дѣлать не все, что ему заблагоразсудится, а только то, что не воспрещается закономъ, потому что законъ устанавливаетъ отношенія какъ частныхъ лицъ между собою, такъ и между ними и государствомъ. Иначе говоря—каждая личность свободна лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это допускаетъ дѣйствующее въ государствѣ законодательство. Въ различныхъ государствахъ полагаются различные предѣлы личной свободы,—все зависитъ оттого, кто составляетъ законы и какъ они составляются.

Если предѣлы свободы зависятъ отъ содержанія законовъ, то личную свободу можно, опредѣлить какъ законную возможность гражданина распоряжаться

своею личностью. Личность свободна—это значитъ, что каждый можетъ поступать и дѣйствовать свободно, пока его дѣйствія не приходятъ въ столкновение съ воспрещающимъ закономъ. Такая свобода, прежде всего, предполагаетъ неприкосновенность самой личности гражданина. Никто—ни частныя лица, ни власти не имѣютъ права ограничить свободу человека внѣ случаевъ, опредѣленно указанныхъ закономъ; лишеніе свободы можетъ послѣдовать только въ случаяхъ, допускаемыхъ законами, и въ качествѣ наказанія за преступленіе, караемое судомъ на основаніи закона.

Что касается частныхъ лицъ, то вполне понятно, что они ни въ коемъ случаѣ по собственному почину не имѣютъ права посягать на свободу частнаго лица; если Ивановъ, напр., потерпѣлъ отъ кого-нибудь ущербъ или подвергся со стороны кого-либо насилію, то онъ не имѣетъ права арестовать насильника, заключить его въ видѣ наказанія въ какое-либо помѣщеніе. Все, что онъ можетъ сдѣлать,—это обратиться съ жалобой въ судъ, произвольныя же его дѣйствія сами составятъ насиліе, за которое онъ понесетъ наказаніе.

Не такъ просто обстоитъ дѣло съ лицами, облеченными тою или иною властью, съ ихъ правомъ посягать на неприкосновенность личности. Должностныя лица пользуются обыкновенно въ современномъ государствѣ особыми правами, какими прочіе граждане не обладаютъ; они либо приводятъ въ исполненіе постановленіе закона, либо слѣдятъ за тѣмъ, чтобы законы соблюдались.

Когда кто-нибудь нарушаетъ законъ, должностное лицо, облеченное соотвѣтственной властью, принимаетъ мѣры къ тому, чтобы исполнено было требованіе закона. При такомъ частомъ соприкосновеніи должностныхъ лицъ съ закономъ, съ одной стороны, и съ прочими гражданами — съ другой, возможны злоупотребленія со стороны этихъ самыхъ должност-

ныхъ лицъ. Къ тому же лица, облеченныя властью, часто склонны придавать себѣ больше значенія, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ, склонны превышать свою власть и чаще руководиться произволомъ, чѣмъ закономъ; съ частнымъ лицомъ, съ обыкновеннымъ смертнымъ они не всегда церемонятся и не рѣдко готовы лишить его свободы только потому, что это имъ хочется, хотя бы онъ того вовсе не заслужилъ. Поэтому права органовъ государства (властей, должностныхъ лицъ) въ этомъ отношеніи требуютъ точнаго указанія въ законодательствѣ. Такъ, прежде всего ясно, что личность должна быть ограждена отъ произвольныхъ дѣйствій всякаго рода должностныхъ лицъ и всѣхъ вообще органовъ государства. Произволу не должно быть мѣста въ государствѣ, въ особенности не должно быть терпимо произвольное лишеніе кого-либо свободы. Конечно, прежде всего, въ законѣ должно быть точно указано, что считается преступленіемъ и въ какихъ случаяхъ, въ видѣ наказанія или предупредительной мѣры, допускается лишеніе свободы. Но и такое точное указаніе не предупреждаетъ произвола. Полицейскій чиновникъ можетъ превосходно знать законы и все же съ ними не считаться, если ему будетъ предоставлена самостоятельная и безконтрольная власть. Пользуясь властью, онъ можетъ при малѣйшемъ намекѣ на преступленіе, а то и безъ всякаго намека, пустить въ ходъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи карательныя средства. Произволу должна быть противопоставлена не только точность закона, но и постоянный, живой и дѣйствительный контроль за дѣйствіями должностныхъ лицъ.

Этотъ контроль въ современномъ государствѣ поручается обыкновенно суду, который провѣряетъ дѣйствія должностныхъ лицъ и одинъ имѣетъ право лишить кого-либо свободы. Поэтому, если какой-либо чиновникъ, независимо отъ высоты занимаемаго имъ поста, признаетъ кого либо «вреднымъ» или заподозритъ его въ совершеніи преступленія, то онъ не имѣ-

етъ права, по личному своему усмотрѣнію, лишить его свободы; онъ долженъ предъявить къ заподозрѣнному обвиненіе въ судъ и только судъ, признавъ наличность преступленія, можетъ лишить обвиняемаго свободы.

На такой точкѣ зрѣнія стоятъ законодательства всѣхъ свободныхъ государствъ: «никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ за преступленіе по суду»—таково общее правило. Но оно еще не исключаетъ возможности произвольныхъ дѣйствій администраціи (начальства, власти) и въ такой общей формѣ не охраняетъ въ полной мѣрѣ неприкосновенности личности. Въ самомъ дѣлѣ, если я могу быть лишенъ свободы не иначе, какъ за преступленіе и по приговору суда, то предѣлы моей свободы будутъ зависѣть отъ того, кто будетъ рѣшать, совершилъ ли я преступленіе, что считается преступленіемъ и какой судъ меня будетъ судить.

Допустимъ, что конституція постановляетъ: «личность свободна, законъ опредѣляетъ условія, при которыхъ допустимы ея ограниченія»¹⁾. А затѣмъ тотъ законъ, которому конституція поручаетъ опредѣлить подробныя условія личной свободы, выставляетъ такое положеніе: «мѣстной или высшей администраціи предоставляется лишать свободы частныхъ лицъ всякій разъ, когда она это признаетъ нужнымъ въ интересахъ государственнаго порядка и общественной безопасности». Будетъ ли въ этомъ случаѣ личность свободна, несмотря на торжественное заявленіе конституціи? Конечно, нѣтъ. Мѣстная или высшая администрація сама, безъ контроля суда, призвана рѣшить, когда «въ интересахъ государственнаго порядка и

¹⁾ Въ такой общей формѣ свобода личности признавалась и самодержавной Россіей. Нашъ уставъ уголовного судопроизводства гласитъ: «никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ». Примѣръ Россіи лучше всего показываетъ, какъ мало подобное постановленіе ограждаетъ неприкосновенность личности.

общественной безопасности», личная свобода можетъ быть ограничена. Законъ предоставилъ этимъ широкій просторъ произволу администраціи, а произволъ не перестаетъ быть произволомъ оттого, что онъ признанъ закономъ. И, хотя одинъ законъ признаетъ личность свободной, другой будетъ дѣлать ее несвободной, потому что судьба свободы поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи. Избѣжать произвола администраціи можно только дополненіемъ конституціи такимъ закономъ, который требовалъ бы, чтобы о всѣхъ случаяхъ лишенія свободы имѣлъ сужденіе судъ на точномъ основаніи закона, чтобы личная свобода могла быть ограничена только въ случаѣ совершенія преступленія, признаннаго судомъ.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ: что считать преступленіемъ? Убіиство отца — преступленіе, кража — преступленіе, преступленіемъ можетъ быть и чтеніе какой-нибудь книжки, и участіе въ забастовкѣ, и исповѣданіе какого-нибудь сектантскаго ученія — въ зависимости отъ того, каковъ взглядъ законодательства, что законъ признаетъ преступленіемъ. «Личность свободна; лишеніе свободы наступаетъ только при совершеніи преступленія» — можетъ заявить одинъ законъ, а десятки другихъ законовъ могутъ возвести въ преступленіе самые безобидные проступки. Очевидно, при общемъ правилѣ «никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ за преступленіе по суду» — возможно положеніе, когда нѣтъ мѣста произвольнымъ дѣйствіямъ администраціи, но и нѣтъ мѣста неприкосновенности личности, — это будетъ въ томъ случаѣ, когда понятіе преступленія настолько расширено, что подъ него подводятся дѣянія, которыя съ точки зрѣнія свободы личности ни въ коемъ случаѣ не могутъ сойти за преступленія. Произволъ будетъ стѣсненъ здѣсь лишь въ смыслѣ порядка преданія суду, такъ какъ администрація должна будетъ передавать «дѣла» суду, а не самостоятельно ихъ разрѣшать, но по существу произволу не будетъ поставлено границъ, такъ

какъ все, что администрація признаетъ преступленіемъ, можетъ считаться преступленіемъ и по закону. Нисколько не выигрываютъ при такомъ общемъ правилѣ и граждане, для которыхъ получается только призрачное облегченіе оттого, что лишеніе ихъ свободы послѣдуетъ по приговору суда, а не по распоряженію администраціи.

Личная свобода — благо настолько цѣнное, что ограниченіе ея съ трудомъ терпимо только при исключительно важныхъ обстоятельствахъ, оправдываемыхъ не волею или видами правительства, а ясно выраженнымъ сознаніемъ самого народа. Кругъ преступленій, наказываемыхъ лишеніемъ свободы, долженъ быть, поэтому, вовсе уничтоженъ, или въ крайнемъ случаѣ и въ видѣ исключенія, ограниченъ только такими тяжкими преступными дѣяніями, которыя дѣйствительно угрожаютъ интересамъ широкихъ народныхъ массъ, причемъ о такого рода опасности должна судить не власть, чуждая народу и отъ него независимая, а власть, непосредственно народомъ поставленная и всегда ему подчиненная. Съ этой точки зрѣнія, для дѣйствительной охраны личной неприкосновенности требуется, чтобы изъ числа преступленій были безусловно исключены т. н. политическія и религіозныя преступленія, т. е. преступленія въ той области, которая ближе всего касается личной свободы и которая даетъ наибольшую возможность власти имущимъ стѣснять личную и общественную свободу гражданъ. Въ области политической и религіозной, свобода не должна быть ничѣмъ ограничена. Каждый въ правѣ избрать для себя какую угодно религію или обходиться совсѣмъ безъ нея, каждый въ правѣ исповѣдывать и проводить въ жизнь любое политическое ученіе. Православный, католикъ, сектантъ, еврей, язычникъ, какъ и социалистъ, анархистъ, сторонникъ самодержавія — свободны въ своемъ убѣжденіи и дѣйствіи, и никакихъ предѣловъ ихъ религіозной или политической борьбы не должно быть поставлено.